

Светлана Нигматуллина

**ТО
ЧТО
МЫ ВИДИМ**

Простые рассказы

16+

Света Нигматуллина

То, что мы видим.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42611235

SelfPub; 2022

Аннотация

Бледная женщина с пакетом фруктов. Одинокaя мама с двумя детьми. Растерянный богатый парень. Усталая акушерка в пустой комнате. Закаленный северными ветрами мужчина. Их лица – это только то, что мы видим. Все они – больше, чем кажется. Это книга – сборник коротких историй, которые объединяет не только имя автора, но и двойной смысл, скрытый за каждым из поворотов.

Содержание

Ваза для фруктов	4
Акушерка	9
Близкие люди	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Света Нигматуллина

То, что мы видим.

Сборник рассказов

Ваза для фруктов

Она заболела как-то внезапно, в один миг. Дом, шумевший ее звонким веселым голосом, разом приутих, призадумался, казалось, он тоже укрылся шерстяным одеялом и задышал тихо-тихо, не тревожа болезненный сон. Голубые глаза, которые я не унаследовала от нее – о чем безмерно жалею – стали почти синими, цвета микстуры, которую ей приходилось пить три раза в день. Мне было странно и как-то не по себе: возвращать то, что раньше всегда тебе давалось. Горячая еда и чай на столике у постели, «не купить ли тебе что-нибудь, я иду в магазин?», стопка новых газет и книги. Болезнь, которая врачам из местной поликлиники казалась обычной простудой, вдруг оказалась чем-то другим.

По ее просьбе, пытаясь завить непокорные пряди не моих же – светлых волос, я, по своей неловкости, то и дело обжигала ей кожу. Женщинам хочется быть красивыми везде и всегда. Она ругалась зло и бессильно – я плакала. От обиды не на ее сгоряча сказанные слова, а на свои непослушные ру-

ки, которые не могли дать силу ее слабым бледным ладоням.

Я научилась готовить еду, ровной стопкой складывать папины рубашки на полку. Отвечать на звонки весело, и даже почти нефальшиво, что все у нас в порядке, что вот-вот, уже, еще шаг – и болезнь отступит.

Я научилась скрывать жалость в своих глазах, зная, что причину этой жалостью боль. Я перестала громко включать музыку и стала говорить тише на тон. Закрывала дверь в зал, разделяя квартиру на две баррикады, что раньше не приходило нам в голову. Я уяснила, что нельзя предлагать помощь, а нужно делать вид, что все в порядке вещей, когда она идет по коридору, цепляясь за стены. И пальцы с побелевшими костяшкам говорят все без слов. Что нужно кивать послушно и слушать советы одеваться теплее: «Ведь на улице холодно». «Но ты не была там месяца три!» – какая горькая усмешка в голове. Быть может, уже сместилось что-то в земле, и уже выросли пальмы, и белый песок, и жаркое лето заполонило город в ноябре?..

«Кушайте фрукты и витамины, вам нельзя болеть». А тебе можно? Проживать часы, раньше наполненные счастьем, в клетке четырех стен? С тоской глядеть в окно, не помня день недели, беспомощно тонуть в этом однообразии? А тебе, черт побери, можно вот так?

Мы не боролись, мы ждали. Нам было страшно, но каждый нес это в себе. Молча и терпеливо.

Врач из поликлиники глядел на нас такими безнадежны-

ми глазами, такими, что внизу живота образовывалась темнота, наполненная жутью, не высказанной вслух. Я думала о тех вечерах, когда возвращалась в дом, где ярко горело кухонное окно, где за плитой колдовала она, и пахло чем-то домашним, болтал телевизор, и хотелось укутаться в это ощущение дома, тепла. Хотя зачем я вру, я никогда этого не ценила, возвращаясь с учебных пар, односложно бурчала ответы, без аппетита ела старательно приготовленный ужин. Я начала ценить это потом, когда меня стал встречать еле заметным светом огонек настольной лампы в спальне. И тишина.

И ваза с фруктами.

Не знаю, как ей это удавалось. Фрукты всегда оказывались в центре стола, в центре нашей маленькой кухни. Каждый день. Болезнь не смогла этого отнять. Вымытые струей воды из-под крана, как картинка красивого натюрморта. Пусть она доставала их с нижней полки холодильника, а не покупала на рынке у дома. Но так она проявляла заботу о нас. Как могла.

Будто напоминание была эта ваза – жизнь впереди, и осень сменится летом, и будут яркие краски еще в этих серых стенах, и шумные гости, и веселые шутки, и нараспашку открытые окна.

А пока изо дня в день:

– Как ты сегодня?

– Так же.

– Не лучше?

– Скоро все кончится.

– Не говори так, ты идешь на поправку!

Отвернулась. Плачет.

Глажу по голове. Пока я верю в эту правду, сказанную вслух, пока твердо звучит мой голос. Нельзя сдаваться. Вот и у меня слезы, будто тоже повелась на эту глупость. Ерунда ли! Да что они знают, чертовы эскулапы! Нет лекарства сильнее нашего единства. Разве можно нас разделить?

Нет силы страшнее смерти.

Когда я возвращалась домой в тот день, ничего не екнуло в моей груди. Не задохнулась предательским опасением чувств. Машина скорой помощи у подъезда не натолкнула меня ни на единую мысль. Я никогда не произносила этого страха даже внутри себя. Я слишком дышала эти первым снегом, это волшебной зимой. Я надеялась на сказку Рождества и на что-то еще. Не очень надежное по сути своей.

И дверь в малый коридор нараспашку. И какая-то серая темень дверного прохода. И страх, вдруг обнявший холодными руками плечи. И пустая ваза с фруктами.

Рухнуло в бездну сердце. Ничего не вернуть. Все так же недосказано и недослушано, как и у всех. Она не могла забыть про наши витамины, даже не помня о своих таблетках. Уж я-то знала. Мы были знакомы почти двадцать лет.

Хмурый врач в белом халате оттолкнул меня плечом и прошел мимо так, будто это я чужая. Будто не он ворвался в мою привычную тишину, отрезав все надежды запахом ме-

дицины.

Я села на пол в прихожей не в силах поверить. Господи, как страшно. За что ты так с нами?..

Она зашла в квартиру, на щеках, чуть румяных от мороза, смущенная улыбка. И удивление.

– Что сидишь на полу?

Я беспомощно глядела на нее, не понимая.

Она присела рядом. Прямо на пол. Из пакета задорно выглянул оранжевый апельсин.

– Устала. Давно никуда не ходила. А тут смотрю – пустой стол. Зимой нужны фрукты.

Задышала неровно. Из-под полы зимнего пальто показался халат.

– Думала, не дойду, – смеется хрипло.

Прихожу в себя. Замечаю: волосы уложены в завитки. На губах – след помады. И глаза – мои, голубые, цвета неба над головой, тона свежего зимнего воздуха. Не синей вязкой микстуры с полки.

Смеюсь и плачу. И она смеется.

Врач, что пришел к соседке напротив, кажется, боится заглядывать к нам. Наверное, думает: мы больны.

А нам все равно.

Он даже не знает, насколько мы здоровы.

Да, мам?

Акушерка

В приемном покое родильного отделения пусто и тихо. Шестой час утра. Сложив руки на своем униженно огромном животе, Неля молча ждет. Возле нее остановился проходящий мимо врач. Молодой мужчина, а глаза такие, будто живет уже сотню лет.

– Что у вас? – он листает бумаги, и не услышав ответа, смотрит на девушку. Взгляд спокойный и даже участливый.

– Воды отошли, – тихо отвечает она.

– Давно?

– Час назад.

Кивнув, он возвращается к своей папке и кричит медсестре:

– Анечка, на осмотр примите.

Молодая девушка выглядывает в коридор.

– Подождите немного, я сейчас.

Неля послушно ждет. Скоро все кончится. Она даже обрадовалась, проснувшись в промокшей постели. Живот исчезнет. Можно будет снова стать незаметной. То есть собой, а это одно и то же.

Довольно трудно не привлекать внимания, когда живот появляется в любой комнате впереди тебя. Одни считают своим долгом помочь, причем совершенно нелепо: подать руку, заботливо прикрыть окно. Другие, что еще хуже, смот-

рят с умилением. А недавно в женской консультации пожилая женщина тихонько спросила, глядя на ее некольцованный палец:

– Сбежал?

«Ну что вы в самом деле!» – хотелось воскликнуть ей. Нет! Погиб. Трагически и внезапно. Он был летчиком... Ах нет, полярником. А может быть, обычным мужчиной. А может, и не было его никогда! Непорочное зачатие, представьте себе.

– Сняла из-за отеков, – сухо ответила девушка. Но вышло все равно так, будто оправдалась. Оценивающий взгляд был хуже сканера. Отеками и не пахло. Плевать.

Первый триместр проходила будто во сне. Чувствовала себя прекрасно. Ни сонливости, ни токсикоза. Даже надежда зародилась в сердце – а может, ошибка? Надеялась на что-то. Подруг избегала. Родителям по телефону только о хорошем: сессия закрыта, курсовая пишется, в гости летом – обязательно... Парни? Нет, да вы что, когда!

И вот однажды она очнулась. В витрине магазина увидела себя со стороны. Живот проглядывался даже сквозь просторное пальто. Еще можно было свалить на неудачный фасон, но... Неля вдруг поняла отчетливо: само не пройдет.

Как выяснилось позже – не само, а сама. Девчонка. По крайней мере, так сказала врач на УЗИ. Показывала на экране ручки, ножки, хотя на самом деле там была лишь размытая клякса. Такая же черная, как ее жизнь. Очередной обман.

С улыбкой доктор включила звук сердца, и от этого нечеткого шума, сквозь который прорывалось глухое «бух-бух», Нелю затошнило.

Пора заканчивать с этим. Сомнений не было.

– Девушка, – ее участковый гинеколог устало сняла очки и повертела их в руке, – искусственное прерывание беременности до 12 недель. У вас какой срок? 20. Вы о чем раньше думали? Медицинских показаний нет. Изнасилования я, как понимаю, тоже не было.

Конечно, не было. Все по большой любви. Ее большой односторонней любви.

– И что мне делать? – спросила она скорее у себя, но вслух.

– Отказ в роддоме напишете. А лучше идите, подумайте хорошо. Вон полный коридор сидит тех, кто мечтает быть на вашем месте.

Ах, да. Место и правда замечательное. Студентка из провинции, мужа нет. Родители не переживут. Не жизнь, а дешевый роман по второму каналу. Только там все заканчивается хорошо само собой. Главное – досмотреть до последней серии.

«Скорую помощь» вызвала на адрес соседнего дома. К общепиту было стыдно. Но в машину ее брать не хотели. Они препирались с врачом, стоя прямо на улице. Еще одна нелепая сцена из ее поломанной жизни. В безразмерном платье, растрепанная, круглая. Прижимает к груди полиэтиленовый

пакет с обменной картой и тапочками.

– Без сопровождающего не принимаем, девушка, – говорит врач.

Неля настроена решительно. Как в последний бой.

– Позвоните матери, отцу, подруге, – настаивает фельдшер. – У нас приказ – на роды доставляем только в присутствии кого-то близкого.

– У меня никого нет, – отвечает девушка. – Никого.

Резкий спазм схватывает низ живота, ноги подгибаются. Началось. Времени на дискуссии не остается. Врач машет рукой – залезай уже, боец.

И вот она в родильном доме. Ей выдают казенный халат и сорочку. Предродовая залита солнечным светом. Четыре кровати, на одной – в углу, укрывшись одеялом, спит девушка. Нелю укладывают на спину, задирают одежду, лепят на живот какие-то датчики.

Входит женщина в белом халате. Невысокая, кругленькая, строгая. Представляется: Валентина Степановна, врач-акушер. Теплыми руками поправляет присоски на ней. Достает бумаги, расспрашивает про беременность, самочувствие, записывает.

– Ну, чего приуныла? – смотрит серьезно, но в глазах веселые огоньки. – Родишь в световой день, недолго осталось. От меня беременной еще никто не уходил.

У Нели внутри целый вагон чувств. Сердце колотится прямо в ушных перепонках. Мерзнут ноги. И вместе со стра-

хом растет решимость. Скоро все кончится. Бумажку она уже написала. Живота не будет, она вернется в общежитие, всем скажет, что ребенок не выжил, и будет жить дальше. Наступит лето, Неля поедет к родителям, будет спать до обеда, есть пирог с щавелем, разговаривать с мамой до утра, а осенью все эту историю забудут. И она забудет. От этих мыслей на время становится немного легче.

Время идет; нарастает, накатывает обжигающими волнами боль. Неля ходит по палате от стены к стене, опирается руками на подоконник и смотрит в окно. Там едет трамвай, люди торопятся по делам, веселый школьник бежит, размахивая рюкзаком. Она удивляется: как это, жизнь продолжается? Очередная схватка будто бьет по всему телу – от живота до коленей, и она в изнеможении сгибается на кровати. Часы на стене будто отказываются идти, стрелка движется едва-едва. От боли – искры в глазах, и снова передышка. Смеркается. Голова мутная, и никаких мыслей в ней, только дотерпеть, только еще немного подождать. Она закусывает край одеяла, хнычет, терпит, дышит, ждет.

Акушерка Валентина ведет ее в родзал.

– Не дыши сейчас, – кричит в ухо. – Не тужься, терпи, немного, давай, еще, ну!

И вдруг становится так легко, и сквозь пелену не крик даже слышит, а какой-то кошачий писк.

– Девочка, – голос, будто сквозь толщу воды. – Сейчас, мамаша, терпите, покажу.

– Не надо, – пытается сказать она. – Унесите. Не надо.

– 52 см, 3 200 вес, – докладывает Валентина, будто не слыша ее. – Какие волосики длинные, ух!

Неля и слышать не хочет. Какой-то сверток несут к ней, хотят приложить к груди, но она отталкивает, пытается встать с кресла, ее укладывают обратно.

– Нельзя вставать, куда ты, ненормальная!

Ребенка уносят, а она все машет руками, пытаясь что-то сказать: про мужчину, который женат, про маму, которая живет на одну пенсию, про отца без работы. Она кричит, захлебывается. По лицу льется что-то горячее, соленое. Ей делают укол, сознание размывается.

Неля приходит в себя, когда уже темно. В руке торчит капельница, в окно палаты светит фонарь. Пытается встать. Из коридора слышен стук металлических колясок по полу и приглушенный писк со всех сторон. Тело будто переехали катком вдоль и поперек. На руке у нее пластиковый браслет с фамилией и цифрами. Хочется содрать его, но пальцы не слушаются.

В коридоре слышны шаги. Заходит Валентина. Измеряет температуру и давление. Все в тишине. Неля спрашивает с надеждой, с трудом шевеля пересохшими губами:

– Вы не знаете, когда мне домой можно?

– Торопишься куда? Трое суток точно тут будешь. Пока сама восстановишься, пока ребенок окрепнет.

– Я... Я же заявление написала, – тихо говорит она и за-

чем-то добавляет: – На имя главного врача.

Акушерка смотрит на нее и выходит. У Нели спина покрылась испариной. Очень хочется чаю с сахаром. Сглатывает слюну. В пакете рядом с тумбочкой настойчиво вибрирует телефон. Наверное, мама беспокоится. Но нет сил снова придумывать что-то и делать нарочито веселый голос. Навралась по горло. Она осторожно ложится на край кровати. Надо бы дойти до поста, только полежать пару минут. Глаза закрываются сами по себе.

Неля спит, крепко, впервые за долгое время. В открытую дверь медсестра вкатывает прозрачный лоток на колесах. Из него выглядывает байковое красно-белое одеяло.

Ночную тишину разрывает крик. Он отделяется от остального хора и звучит совсем рядом, опасно близко. Фонарь освещает больничную палату, тумбочку, пустую соседскую кровать, пеленальный стол и каталку. Девушка мотает головой, открывает глаза и закрывает снова, но видение не пропадает. Она осторожно смотрит внутрь. Там разгневанно кричит маленький кулек.

Неля выходит в коридор. Ноги передвигать немного страшно, все тело будто стало хрупким и ломким. Но кулек продолжает истошно кричать в спину. На посту горит свет, девушка в белом халате что-то пишет в журнале. Не поднимая головы, она говорит:

– Пеленку меняла? Молоко есть?

Неля хочет что-то объяснить, но плач, даже далекий, вы-

деляется из всех и заставляет нервничать. Она путано говорит про отказ, про ребенка, про акушерку.

Из бессвязного потока речи дежурная вылавливает имя. Кивает на телефон рядом:

– Валентина Степановна в неонатологии была, набирай 37.

Рука дрожит.

– Атаева? Утренняя? – голос на том конце. – В отказной палате мест нет. Что мне твоего ребенка в сумке домой унести? Позже зайду. Все, некогда.

Неля возвращается в палату. Ее ждет самая странная в жизни ночь. Слушать ор невозможно. Дрожа, она разворачивает кулек, и на свет появляются красные, сморщенные ножки-крючки и такие же нелепые тонюсенькие ручки. На одной из них – пластиковый браслет с ее фамилией. Неля осторожно берет комок на руки, маленькая голова с темными волосами безвольно ложится на ее плечо. Что-то странное происходит внутри, все нервные окончания будто сосредоточены в том месте, которого коснулся ребенок. Она ошарашенно молчит и не дыша кладет свою ладонь на маленькую голову. Малышка замолкает.

По щекам, кажется, катятся слезы. Неля сглатывает и неуклюже кутает дочь в пеленку. Кладет ее на кровать и осторожно ложится рядом сама. Смотрит удивленно на кукольную ладошку, осторожно, будто на пробу, берет своими пальцами. Детский запах заполняет легкие, не давая дышать.

Этажом выше Валентина Степановна обходит палаты, проверяет плотно закрытую дверь пустой палаты отказников. Снимает халат, чувствуя в кармане сложенную вчетверо бумагу, где кудрявым, почти детским, почерком выведено: «Заявление». Комкает бумагу.

– Заявительница. Горе луковое, – еле слышно бормочет она и улыбается своим мыслям.

Близкие люди

Это был летний день в небольшой деревушке. Над землей вилась солнечная истома. Пахло скошенной травой. От чего-то молчали деревенские псы, лишь изредка слышалось жужжание пчел и тихие разговоры людей. Мир не бежал, а плыл в этой жаре. Он будто готовился замереть.

У порога дома нас встречал отец. Он обнимал каждого, смотрел в глаза, в которых застыл один, не требующий ответа вопрос: «Как же так?». В просторном зале замерли люди. Я шла по деревянному полу, чувствуя каждую дощечку.

Я хотела увидеть ее, но медлила. Шла, не поднимая головы, видя лишь ноги окружающих меня людей. Вспоминала наш последний разговор.

Мы учились на одном потоке в университете. Между нами было мало общего, разве что обе держались от других особняком. Только я была, скорее, суровой каменной крепостью, не готовой идти на контакт. А она – воздушным замком, парящим надо всем: выше студенческих вечеринок, обсуждений личной жизни преподавателей, сплетен и интриг. А еще наши фамилии шли следом в учебном журнале. Потому мы и оказались неожиданно связаны учебником по диалектологии, который выдавался строже, чем товар в советском магазине. Один на двоих.

Вечерело, она приехала ко мне забрать книгу. Был славный теплый вечер, я захотела выйти из дома и пошла проводить ее до остановки. Слово за слово, и вот мы бредем по дворам и говорим. Я не любитель откровений, да и она не пыталась что-то узнать, но как-то так вышло, что слова сами полились из меня.

Я будто говорила сама с собой, не останавливаясь, не думая, не взвешивая, не пытаюсь казаться кем-то.

Меня воспитала бабушка. Мамы рано не стало. А отец предпочел свою свободную, легкую жизнь, не отягощенную бессонными ночами и днями, которые, как правило, приносят с собой маленькие дети. Он появлялся в моей жизни лишь трижды.

Первый раз – телефонным звонком. Проговариваю вслух, вспоминая, чтобы дать себе возможность забыть. Мне десять. Бабушка хлопчет на кухне, я помогаю ей, рассыпая муку на большую деревянную доску, чтобы не прилипало тесто. Скоро мы будем пить душистый чай со смородиновыми листьями и есть сдобный пирог со сладкими, медового цвета яблоками. У меня каникулы, завтра пойдем купаться на реку, и я счастливо улыбаюсь, почти ощущая в руках мелкий прибрежный песок. Услышав из прихожей звон, я слезаю со стула и бегу туда, схватив трубку прямо белыми мучными руками.

– Доченька, привет, – слышу я низкий баритон и открываю от удивления рот. – Как ты там? Совсем большая стала?

Мне тут же становится как-то неловко. Скомканный разговор с односложными ответами длится недолго. Он обещает приехать на мой день рождения. Я не знаю отца. Но все равно жду.

Второй раз. Возле университета меня ловит за руку женщина. Ей около сорока. Она хорошо одета, но выглядит все равно неважно. Красный нос, глаза тоже будто очерчены красным. Мне 19, я первокурсница филологического факультета, и моя бабушка, окончившая лишь три класса в деревенской школе, гордится мной невозможно.

– Юлечка! – театрально вскидывает руки незнакомка, и я понимаю, что она не обозналась. – Игорь в больнице!

Все встает на места. Это тетя Тая, отцовская сестра. Так и есть – незнакомый мне человек. Я хочу пройти вперед, но тонкие холодные пальцы цепко держат меня. Я молчу.

– Твой отец очень... Поедем со мной, поговорите. Он только тебя и зовет. Поехали, Юля...

Воспитание не позволяет мне быть резкой, поэтому я аккуратно разжимаю ее пальцы и сажусь в автобус, не оглядываясь, не смотря на маршрутный номер. Я чувствую тяжесть в груди и дышу мелко-мелко, успокаивая себя, прогоняя чувство неясной обязанности, необходимости поехать. Решаю – нет. Чувство вины остается со мной.

Третий раз, когда я слышу о нем, наступает удивительно скоро.

– Тебя сегодня искали из нотариальной конторы, – скры-

вая волнение, говорит бабушка, наливая мне суп в тарелку. Поварешка звякает о фарфор, и я удивленно поднимаю глаза. Бабушка заправляет выбившуюся прядь из тугой прически за ухо и поспешно продолжает:

– Отца не стало полгода назад. Оставил тебе квартиру. Надо съездить, документы какие-то, ключи...

Я ждала своей реакции, будто разделившись надвое: выжидательно и немного настороженно. Ничего не происходило. Наверное, он так же отреагировал на новость о моем рождении. Печальная, но справедливая закономерность жизни.

Только один вопрос не давал мне покоя. Быть может, стоило? Приехать, поговорить тогда. Просто попробовать понять. Я не хотела быть как он. Не хотела заставлять кого-то в надежде смотреть на дверь. Не хотела лишать человека даже права на место в своей жизни.

Я рассказывала ей то, о чем никогда не говорила никому, даже самой себе. С каждым словом мне становилось легче, свободнее. Осмысляя прошлое, я принимала себя. Она не говорила о себе в этот вечер. Но я знала: понимает, не жалеет, не осуждает.

– Конец жизни – не заслуга, – говорит мне. – Он не обнуляет того, как человек ее прожил. И мы не обязаны никого прощать лишь потому, что его не стало. Но твоя обида – это только твой камень, разве легко его нести?

Я возвращалась домой и чувствовала, как небывало легко у меня внутри. Так случается, лишь когда кто-то произносит

вслух именно то, что тебе хочется услышать больше всего.

Я думала, что так завязалась наша неожиданная дружба. Спустя пару дней ее положили в больницу на плановое удаление кисты. Я сообщала ей университетские новости, подбадривала веселыми историями, а потом она пропала. Не отвечала на звонки, не появлялась в соцсетях. Позже, я узнала почему.

Что-то пошло не так. Такие маленькие слова для большой беды. Большая потеря крови, срочное переливание, воздушная эмболия, кома. Все были ошарашены. Когда староста строго спросила, кто поедет от нашей группы, я молча подняла руку.

У мусульман есть традиция – хоронят ушедших мужчины. Женщины не едут на кладбище, а остаются дома. Когда к дому подъехал большой «ЗИЛ» и встал у ворот, один из мужчин махнул водителю: мол, езжай подальше. Ее несли на руках до самого конца дороги, до самого горизонта. Небо было похоже на нарисованное – с объемными белыми облаками и тонкими лучами солнца, проникающими сквозь них. Из-за подступавших у меня слез эта картина вокруг задрожала и разбилась на кусочки. Слезы матери, без сил опустившейся на крыльцо, запах плова, который поставили вариться во дворе, и мой платок, падающий с головы на плечи и мешающий мне сделать вдох. Вереница того дня.

Мужчины сели за стол, а мы выстроились шеренгой, что-

бы передавать им еду с кухни в зал. Мулла стал читать молитву. Он говорил о том, что после смерти от нас ничего не останется, кроме двух метров земли и той доброты, что мы успели сделать. Я хотела заплакать, но стыдилась своих слез.

Я продала отцовскую квартиру вместе со всем, что в ней было. Не стала залезать на антресоли, выискивая старые фотографии и письма, которые становятся бесценны, когда уходят близкие люди. Я не хотела знать этих книг, этих снимков, запахов, стопок одежды, музыкальных пластинок. Это был чужой дом чужого человека. Я не знала его.

У меня была мать, которая дала мне жизнь. И бабушка, благодаря которой я росла счастливым ребенком. Отец же не оставил мне ничего, разве что загадочный генетический код – низкий голос, длинные пальцы, родинку на щеке. И шесть десятков квадратных метров в бетоне. Квартиру одинокого человека, по ошибке считавшего себя свободным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.